

Владимир
Артамонов

СМЕРТЬ

НА

Яркая жизнь и трагическая гибель
ИНГИ АРТАМОНОВОЙ,
четырёхкратной чемпионки мира

ВЗЛЕТЕ

Владимир Артамонов

**Инга Артамонова. Смерть
на взлете. Яркая жизнь
и трагическая гибель
четырёхкратной чемпионки мира**

«Центрполиграф»

2017

УДК 795.91
ББК 85.374

Артамонов В. И.

Инга Артамонова. Смерть на взлете. Яркая жизнь и трагическая гибель четырехкратной чемпионки мира / В. И. Артамонов — «Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07481-2

О тернистом пути и смерти талантливейшей спортсменки, чемпионки СССР и мира, начиная с самого детства и кончая трагическими днями, рассказывает ее родной брат, журналист Владимир Артамонов.

УДК 795.91
ББК 85.374

ISBN 978-5-227-07481-2

© Артамонов В. И., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

От автора	7
Приглашение к повествованию	8
Повествование первое. Детство	10
Маленькая и такая большая Инга	10
Наследственная ветвь	15
К нам переехала бабушка	18
Наш теплый дом	24
Повествование второе. Во дворе	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Артамонов
Инга Артамонова. Смерть на взлете.
Яркая жизнь и трагическая гибель
четырёхкратной чемпионки мира

© В. Артамонов, 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

© «Центрполиграф», 2017

* * *

От автора

Вспоминая Ингу Артамонову, я, ее родной брат Владимир Артамонов, с горечью переживаю те далекие трагические события гибели сестры, случившейся полвека назад, 4 января 1966 года, когда ей было всего двадцать девять лет.

Сегодня возраст Инги подошел к отметке в восемьдесят лет, пятьдесят лет как ее нет с нами.

Сказано о ней немало, выпущены фильмы... Однако не все так просто, как может показаться на первый взгляд.

По свидетельству Марии Исаковой, Инга была очень одинока. И это так. Ей, как и вообще большому чемпиону, приходилось (и, наверное, еще кому-то приходится) жить среди немалого числа завистников, как со стороны непосредственных соперников по спорту, так и некоторых тренеров, чиновников, которым когда-то она в чем-то не уступила, оказалась независимой, самобытной... И тогда-то начали распространять клевету, подбрасывать анонимки, фальсифицировать ее результаты на отборочных соревнованиях к первенству мира, Олимпийским играм, чтобы не допустить туда... Ингу исключали из сборной, делали невыездной. Ее, сильнейшую в тот период, не пустили на чемпионат мира 1960 года и на две Олимпиады 1960 и 1964 годов, чтобы она ни в коем случае не стала еще и олимпийской чемпионкой.

Однажды Инга призналась нам, родственникам: «Как неудачно выступлю, сразу ко мне проявляют заботу, внимание, как выиграю, так никто не смотрит, обходят стороной, не замечают, словно нет меня».

Как тут не почувствовать себя одинокой! Именно поэтому она искала поддержки у родственников, восхищения у болельщиков, радовалась их теплым письмам, укрепляющим ее веру в себя.

В конце концов уходят в небытие интриги, недоброжелательства, откровенное вредительство... Остается имя того большого чемпиона, которым была и осталась в истории мирового спорта Инга Артамонова.

Инга погибла от руки своего мужа Геннадия Воронина, человека злобного и мстительного. Ее выдающиеся достижения напоминали ему о его ничтожности.

Но теперь мы знаем также, изучив материалы уголовного дела, что кто-то еще «пособствовал» этой гибели, ведь некоторым «индивидуумам» ее победы были как кость в горле – необычайно талантливой оказалась она для того времени. Все делалось для того, чтобы вывести спортсменку из равновесия, поколебать ее веру в собственные силы, внести сумятицу в ее семейные отношения, и без того напряженные из-за необузданности мужа.

Но Инга со всем этим, во славу ей, справлялась. Неизменно она старалась успешно выступать в соревнованиях, показывать наилучшие результаты, отстаивать честь страны.

И сейчас, спустя полвека, по-прежнему стараются замалчивать ее победы – видно, не удастся сегодня, как в прошлые далекие годы, похвастать необыкновенными достижениями в конькобежном спорте!

Кое-кто не понимает, что забвение прошлого не сулит ничего хорошего в будущем...

Так кто же еще был причастен к гибели Инги Артамоновой, кто был заинтересован в этом?

В книге приводятся факты, по которым читатель многое сам додумает.

Приглашение к повествованию

В Финляндии, как и в соседних с ней Скандинавских странах, очень любят зимние виды спорта. Здесь занимаются ими почти все. Местные болельщики высоко ценят достижения чемпионов мира, знают их по фамилии и в лицо. Сейчас внимание болельщиков сосредоточилось на Инге Артамоновой – феноменальной советской конькобежке, высокой очаровательной русской девушке, которая в очередной раз здесь, в Финляндии, стала чемпионкой мира.

Прошедшие состязания были очень интересными, хотя и трудными для самих спортсменок. Советским конькобежкам, в отличие от прошлых лет, пришлось на этот раз несколько потесниться. Очень успешно выступили молодые зарубежные конькобежки.

Но как бы ни было трудно отстаивать право на многолетнюю гегемонию, Инга Артамонова по-прежнему сильна. У нее мировая популярность, ей рукоплещут миллионы болельщиков, которые ждут от нее новых достижений.

Спортсмен и зритель. Быстро они находят общий язык. Подобные отношения напоминают родственные. Кажется, что зрители живут в эти мгновения чувствами спортсмена, сопереживают, подбадривают его. Русский ты или американец, швед или голландец – не важно! Публике, которой ты полюбился, достаточно уже того, что ты есть.

Публике нужен быстрый и красивый бег – это да. Но она и помнит своего кумира. Нередко всю свою жизнь. Только станет известно, что намечается встреча, как зритель уже ждет не дождется предстоящего свидания.

Любимая спортсменка. Сколько же этой привлекательной русской девушке пришлось потрудиться, чтобы такого достичь! Преодолела она, видимо, многие препятствия. Физическую усталость. Сомнение и неудачу. Волнение из-за непомерной ответственности. Выработать нужно было спокойствие – надежный спутник успеха.

Сейчас Инге выходить на лед. Ей предстоит выступить в показательных соревнованиях. Блеск коньков скрыт пока надетыми на полозья чехлами. Главное – не затупить их, когда идешь по раздевалке, а то на льду, говорит Инга, поедешь совсем не туда, куда нужно.

Она дошла до двери. Зачем-то расстегнула молнию на белом, свободно сидящем на ней свитере, под которым был другой, темный, плотно облегающий свитер с красным гербом на груди.

Вечером сегодня начнется банкет в честь победителей, в ее честь. Она в Москве сшила своими руками несколько платьев и привезла их с собой. Сегодня на банкете она нарядится в красивое платье, сделает прическу. Сегодня на нее все будут смотреть и удивляться. «И вы утверждаете, – скажет какая-нибудь иностранная дама, – что эта восхитительная женщина может всех обогнать на льду? Но почему она так свежа, ухожена? За ней, наверное, целая свита прислуг ездит».

Первенство мира Инга считала чем-то вроде боя, где она одна могла защитить свою страну. Выигрывая, она старалась улыбаться, чтобы не были заметны ее усилия. Это придавало обаяния ее победе, покоряло сердца зрителей. Ингой гордились подруги по сборной – ее соперницы. Они говорили: «Инга – идеал чемпионки, мы на нее равняемся».

В радостные минуты забываются невезения и поражения, обиды и даже чье-то недостойное поведение.

Толкнув рукой дверь, Инга вышла на воздух. Теперь нужно было спуститься по лестнице трибуны на лед. Солнце слепило глаза, не верилось, что такое яркое оно может быть зимой. Зрители улыбались, устремив на спортсменку взоры. Мальчишки суежились внизу лестницы с бумажками для автографа. Сейчас они начнут свою бойкую работу: дергать за рукав, протягивать свои бумажки.

Ингу отлично здесь знают: трижды она выигрывала в стране Суоми чемпионаты мира. Ее портреты в период соревнований печатались на первых страницах многих выходящих здесь газет. Интервью с ней передавали по радио, ее показывали по телевидению. Редкая популярность для иностранной конькобежки!

Спортсменка отстегнула чехлы на коньках, вышла на лед.

Лед накатистый. По радио слышится оживленная финская речь. Инга услышала свою фамилию. Трибуны аплодируют. Проезжая мимо трибуны, накрытой козырьком, которая сразу затихает при ее приближении, она артистически медленно подносит руку к губам и посылает трибуне воздушный поцелуй, который, как выстрел из стартового пистолета, отзывается мгновенной реакцией – коротким, но гулким всплеском аплодисментов.

Позади много тренировок. Сегодня они воплотились в мировое признание.

С каждым годом круг знакомых и друзей все более расширяется. Все больше приходит писем. В них столько вопросов, что невольно глубже задумываешься над всем пройденным тобой. Вспоминаешь родных, переживающих за тебя, улицу, где прошло военное детство, девчонок со двора, которые придут потом с поздравлениями, динамовский свой коллектив, который вскоре после первенства мира, несмотря на непомерную усталость твою, придется выручать, выступая совсем не в крупных соревнованиях – может быть, всего лишь за свой райсовет...

И приходит очень много писем, на которые уже пора бы дать ответ...

Повествование первое. Детство

Маленькая и такая большая Инга

Когда я смотрю на вас, Инга, то думаю: а всегда ли вы были такой? Как, интересно, на вас повлияли обстановка, в которой вы воспитывались, и окружавшие вас люди?

Клавдия Rogozina, Пермь

Бомба разорвалась недалеко. Дом, в котором мы жили, качнуло, словно могучий корабль при шторме, вздрогнули, как живые, оконные рамы, стекла звонко посыпались, распахнулись двери комнат.

Наша мама замерла на месте, глаза ее застыли в испуге. Она подумала о нас. Не успели мы сразу в бомбоубежище, замешкались, а потом уже было поздно.

Где-то, но уже гораздо дальше, раздался новый взрыв, и наш дом опять содрогнулся, но по всему чувствовалось, что прорвавшиеся в черту Москвы фашистские самолеты под натиском зениток отходили.

Мама пошла на кухню, чтобы выглянуть из окна во двор: не появился ли кто из знакомых. Жутко сидеть одним в квартире: бомба – попади она в дом – насквозь прошьет его, как иголка подушечку, а стены осыплются песком вниз, как пыль.

Маме предлагали эвакуироваться. И ее подруга Александра тоже советовала, удивляясь, как можно так рисковать! Но мама будто не слышала ее слов. Все так перепуталось в голове. А тут еще неурядицы в семейной жизни...

Возможно, она и поехала бы, если бы не старушка из нашей квартиры, совсем слепая. Ей хотелось подсобить нашей маме: не мог человек не поделиться добротой...

– Ты, дочка, ребенка-то покорми кашей, – говорила она, – он и кричать не будет. А я давай его покачаю, я такой секрет знаю...

А когда мама почти собралась эвакуироваться, она сказала:

– Никуда не езди с такими мальцами. Не замай. – Это означало: не тронь, оставь в покое.

Так и порешила мама: чему быть, того не миновать. Всю войну мы оставались в Москве.

Может быть, это родилось в чьем-то воображении, а может, и было правдой (ничего удивительного – война!) – эшелон с эвакуированными, в котором должны были уехать мы – мама, сестра Инга и я, – в пути разбомбили немецкие самолеты.

Маме приходилось трудно. Единственное облегчение было в том, что Инга рано начала помогать по хозяйству. В пять-шесть лет ей поручалось уже многое: помыть полы, сходить в магазин (по записке), присмотреть за мной...

Вся трудность военной жизни понималась пока только взрослыми. Дети оставались детьми. Инга была непосредственной (так, кстати, и оставшейся ею на всю жизнь), часто принимала какие-то вещи за чистую монету. Так, однажды, когда война уже пошла на убыль, и мы нередко теперь оставались дома одни, а мама и бабушка работали, к нам приехала погостить бабушкина родная сестра тетя Варя из Павловского Посада. Привезла она нам гостинцев, сели мы чай пить. Тетя Варя, добродушно улыбаясь, как бы между прочим сказала:

– Все вроде у нас есть, вот только сахару... Ну ничего, будем сегодня пить чай с таким.

Она налила три стакана чаю, по одному поставила перед нами. Я активно принялся за чаепитие. Только Инга почему-то сидела неподвижно. Тетя Варя удивилась:

– Иночка, а чего же ты не пьешь-то?

– А я жду.

– А чего же ты ждешь?

– А я жду, когда вы так достанете. Ведь вы же сказали, что мы сегодня с таким чаем будем пить.

Инга, подрастая, становилась боевой девочкой. Она была заводилой, умела создавать атмосферу праздничности, веселья, романтичности. Ее очень любили девчонки. Но их родителям приходилось беспокоиться: из-за этой бедовой Инги их дочери являлись домой насквозь мокрые. Под ее предводительством девчонки строили какие-то немыслимые снежные пещеры, залезали в них, устраивали там костер, а то делали ледяную горку, по которой потом взбирались и скатывались, полируя ее своей одеждой. Конечно, дома им попадало. И когда узнавали, что зачинщицей всех этих действий была Инга, запрещали своим детям в другой раз играть с этой сорвиголовой. Но проходили день или два, и снова все повторялось.

Инга нравилась всем во дворе тем, что никогда никому не ябедничала, умела хранить тайны и была очень терпелива.

Еще во время войны мама достала три литра сиропа на сахарине. Из него можно было варить кисель, и этого количества очень надолго хватало. Но оказывается, сироп тайком пила Инга, и, видно, в немалом количестве. Но чтобы не было подозрений, доливала каждый раз в банку воды. Мама ничего не замечала. И вот как-то в бане она увидела у Инги на животе волдыри, словно от ожога. Вернее, Инга сама выдала себя тем, что вскрикнула от боли, когда мама случайно задела ее живот мочалкой. Пришлось признаваться в том, что пила сироп, а в банку доливала водички. Сироп-то и дал такую реакцию. А пока никто ничего не подозревал, вынуждена была терпеть боль. За сироп мама ее не ругала.

Как-то мы с Ингой пошли доставать новогоднюю елку. Смеркалось. Вовремя о елке позаботиться не сочли нужным: думали, что без нее обойдемся. А когда тридцатого числа все в квартире начали наряжать эти колючие, свежие и восхитительно пахнущие деревца, вешая на них разноцветные игрушки и опоясывая их электропроводами с лампочками, которые потом загорались и высвечивали каждую иголку, нам стало завидно и обидно, что этого всего у нас не будет. И мы решили во что бы то ни стало устроить то же самое у себя.

Инге тогда было лет тринадцать, и это давало ей право отправляться в «путешествие» хоть на край Москвы. Ну а поскольку существовал такой надежный вожатый, я, естественно, был отпущен вместе с сестрой.

Организованной продажи елок в столь поздний час, да к тому же накануне Нового года, вполне понятно, уже не было, и мы отправились на Курский вокзал. Купля-продажа на перроне происходила, как говорится, не глядя: елка была завязана, и нам оставалось только отдать двадцать пять рублей (по старому курсу) и идти восвояси. Покупку сделали – обрадовались, но решили для успокоения все-таки развязать и посмотреть, что купили. Каково же было наше разочарование, когда мы увидели, что елка однобокая. Подсунули! Поначалу оба расстроились, но потом нашли мудрое решение: и эту елку оставить, авось пригодится, и постараться купить новую (деньги для этого еще были).

На новую елку ушло все, вплоть до последней копейки, зато и елка была хороша. Но очень велика. Ни в один автобус с такой махиной, конечно, не пустили бы. Да и деньгам пришел конец. Оставался единственный вариант – пешком. Инга, как старшая сестра, приказала мне взять маленькую елку, совсем не тяжелую, а сама взвалила на плечо ту громадную.

Пот с Инги катил градом, а она шла и не останавливалась. Мне было больно смотреть, и я, чувствуя себя все-таки мужчиной, украдкой старался ей помочь, подставляя свою свободную ручонку под конец тяжелой елки. Но она замечала это и одергивала меня:

– Ты маленький еще и можешь надорваться.

А сама все шла и шла. Не жаловалась на усталость, не отдыхала и краем глаза следила, не помогаю ли я ей.

Мама, когда мы пришли, не могла поверить, что это «бревно», как она выразилась, могла принести с Курского вокзала на Петровку ее Инга.

Инга во все времена, особенно когда жилось материально трудно, старалась хоть чем-то помочь семье. В один из зимних пасмурных дней она предложила:

– Мама, у нас в школе продают бублики по шесть копеек за штуку. Ты знаешь, некоторые не покупают, и, если ты мне дашь тридцать копеек, я смогу купить целых пять штук.

Несмотря на сильное желание съесть их все, Инга приносила каждый раз эти бублики в полной сохранности.

С детства ей очень хотелось заниматься музыкой. Но средств на покупку пианино (она мечтала о нем) в нашей семье не было. Тогда Инга выдвигала ящик нашего старого комода, садилась на стул, ударяла по воображаемым клавишам и начинала петь.

Позже мама купила патефон. Теперь можно было подпевать артисту. Особенно хорошо у Инги получались песни, исполняемые популярной в то время певицей Розой Баглановой.

Вместе с Ингой мы нередко выступали в нашем домашнем театре. Постоянные зрители – мама и бабушка. Инга, как старшая, исполняла еще роль балерины. «Артистам» подготовиться к спектаклю не составляло большого труда. Наряжались посмешнее, подкрашивали брови, а я еще и усы. Я старался придать нужную выразительность своему голосу, когда произносил: «Выступает артистка Советского Союза, цыганская плясунья Инга Артамонова». Аплодисменты, смех. Выходила «цыганка» в длинном красном халате, с распущенными волосами, подхваченными ленточкой, в маминых сережках, и начинала плясать, то извиваясь, то приседая, то делая по-восточному головой вправо-влево, вперед-назад.

С третьего или четвертого класса Инга стала участвовать в хореографическом и одновременно драматическом кружках. Но оценки стала приносить домой не совсем те, которым рады родители. Мама пошла в школу: что же, товарищи руководители кружков, не много ли вы ее нагружаете, учиться-то она стала плохо! Взмолились тогда руководители:

– Ради бога, не забирайте ее у нас. Если только Ингу возьмете, у нас сразу все развалится. В хоре нашем некому будет запевать. А в учебе она обязательно подтянется.

Мама махнула рукой: как знаете, вам видней.

Врывается как-то Инга домой, счастливая, и говорит:

– Мамочка, приходи обязательно меня посмотреть, я буду песенку петь, мы там все будем петь.

Мама собралась и пошла на «премьеру» своей дочери в Дом культуры «Красный пролетарий». Уж так мало приходилось ей смотреть на своих детей – работала она от зари до зари, а тут такая радость: выступление дочери на сцене!

Мама пришла в клуб, когда все уже было готово к началу концерта: занавес открыт и на сцене расположился хор. Увидела мама и Ингу, она стояла выше всех и звонко, с большим чувством пела: «Широка страна моя родная...»

Зал был набит битком и притих, слушая мелодию, а мама, сев где-то в глубине зала, услышала тихую, восхищенную реплику одной женщины:

– Ах, какая девочка, как она поет, ну просто прелесть!

А тем временем Инга, исполняя песню, все время глазами искала маму. Пропет был уже куплет, а мама все не находилась. И вдруг Инга увидела ее. Как же она с самого начала-то ее не смогла отыскать, ведь взглядом пробежала по ней несколько раз. Она так обрадовалась этому, так вся засияла, что о песне совсем забыла и на мгновение прекратила петь, потому что, наверное, у нее от радости вылетели из головы все слова. Но эта заминка продолжалась какой-то миг, собравшись, Инга продолжала выступление.

В драматическом кружке она играла самые главные роли. А на Новый год – непременно Деда Мороза. Мама ей тогда сшила пальто, а Инга его превратила в дедморозовскую шубу, для чего навешала на него много ваты. Еще сшила себе сапоги и стала настоящим Дедом Моро-

зом на школьном новогоднем вечере. А потом, уже у себя во дворе, нарядив ребят – кого в волка, кого в Снегурочку, – пошла по квартирам нашего дома поздравлять всех с Новым годом. Жильцы нашего дома на другой день, встречая нашу маму, делились с ней:

– Ты знаешь, Ань, я сначала Ингу-то твою и не узнала, когда открыла ей дверь, и голос ведь сумеет так подделать, вот чертенок, ха-ха...

А однажды Инга решила стать балериной. Тут уж ее отговаривать вряд ли имело смысл: решительности ее хватило бы на нескольких человек.

Взяла она у мамы метров пятнадцать марли и сшила себе платье, как у балерин в «Лебедином озере». Да на это дело сагитировала соседку Риту. И вот вдвоем они, одетые в марлевые платья, одна маленькая-премаленькая, а вторая большая-пребольшая, торжественно шли по Петровке, совершенно не обращая внимания на улыбки прохожих, строго держа курс в хореографическое училище при Большом театре. Они считали, что, появившись там в подобных нарядах, они сразу всех удивят, всем сразу станет ясно, что это же настоящие балерины.

Там и вправду обратили внимание. Придя домой, Инга сообщила маме, что ее приняли в училище и что маме нужно со своим паспортом явиться в училище, чтобы оформить ее, Ингу, как говорится, документально.

Но мама начала ее отговаривать, убеждая, что в балете Инге будет очень трудно из-за ее высокого роста, да и кавалера вряд ли такого большого ей там смогут подобрать, а если даже и подберут, то он все равно ее не поднимет.

Было у Инги такое качество: если она что-то задумала, то принималась за дело немедленно, сию же минуту. При этом, правда, ошибалась в чем-то, но на фоне стремительного движения вперед подобные промахи никак не влияли на успех дела.

Нередко на лето бабушка брала нас с собой в Павловский Посад. Там жили две ее сестры. Одна близко от станции, а вторая, тетя Варя, – у самого леса, хуторком называли односельчане ее дом. Местность – залюбуешься: просторно, зелено и трава – в рост человека. Едет Инга в поезде (бабушка сидит рядом), и видятся ей уже эти красоты деревенской жизни. Тут под села к бабушке какая-то цыганка.

– Слушай, давай погадаю, – обращается она к ней.

– Нечего мне гадать, я без тебя все уже знаю, – напрямик, как всегда, отвечала бабушка, зная, что для цыганки это повод заработать.

– Я правду тебе скажу, самую верную, – убеждала спокойно цыганка. – Ну не хочешь про себя узнать, давай я твоей внучке погадаю.

– Гадай ты или не гадай, – успокаиваясь, ответила бабушка, – только денег у меня все равно нет.

Цыганка взяла Ингину смуглую руку, погладила ее, посмотрела ей в лицо; оно было спокойным и безмятежным, глаза излучали тепло и голубой свет. Цыганка зачарованно смотрела на девочку, словно чему-то не верила.

– Ба-ба-ба, – тихо лепетала она, – счастливая у тебя внучка. Ей в жизни придет много почестей, блеска и золота. Она у тебя будет очень знаменитая...

– Э-эх, – горько-насмешливо вздохнула бабушка, – золота-то нет, а прорех хватает.

Цыганка, как бы поверяя свои мысли, опять взглянула на девочку, и едва заметная улыбка пробежала по лицу пожилой женщины.

– Я знаю, что говорю. У этой девочки будет много славы, по глазам видно.

Впрочем, что Инге за дело до цыганки? Золото, золото... Откуда оно может взяться? Бабушка права.

А может, ей суждено найти какой-нибудь клад? Как обрадовались бы мама и бабушка... Нередко она слышала истории о таинственных сундуках с бриллиантами, золотыми коронами... Только вот неясно, кем же ей нужно будет стать, чтобы найти предписанное судьбой

золото. А-а! Она станет геологом и найдет такое месторождение золота, которого хватит ее стране на долгие времена.

Наследственная ветвь

Меня часто спрашивают: «Что вы считаете, Инга, главным в себе?»

Из письма Инги

Наша мама вышла замуж в тридцать пятом году. Тогда же она и переехала жить из Павловского Посада в Москву, на Петровку, 26, в квартиру 44, где Артамоновы занимали две большие проходные комнаты.

Она не видела раньше таких длинных домов, как на Петровке, 26. В сущности, он соединяет две улицы – Петровку и Неглинную. Дом в старое время был отведен под гостиницы, прачечную и прочее. Во дворе сохранились еще винные погреба, соединявшиеся с домом подземными ходами.

– Вот здесь мы и будем жить, – сказал ей наш будущий отец, входя вместе с женой в комнату.

На молодых все обращали внимание. Мама была смуглой и кудрявой, с живыми карими глазами. Отец – светловолосый, голубоглазый, с широкими плечами и большими рабочими руками. В ее глазах сверкал боевой огонек. Его облик был озарен мягким, спокойным светом.

В ней была ключом энергия молодости и чувствовалась целеустремленность волевого человека, способного преодолеть любые трудности на своем пути. У него был добрый нрав, который располагает всегда к простоте и искренности отношений.

Отец и живший там же дед (отец нашего отца – Михаил) были похожи как две капли воды. Только у более пожилого глаза, окруженные морщинками, всегда улыбались. Оба они были одинаково хорошими мастерами. Починить часы, отциклевать полы, отремонтировать любой бытовой прибор, даже тот, который впервые им попадался, «сработать» красивую, изящную мебель, которую в магазине не всегда купишь, им ничего не стоило.

– Подожди, дочка, – говорил нашей маме дед с видом человека, который задумал сделать какое-то невиданное доселе добро, но специально не говорит какое, чтобы потом больше обрадовать, – вот родишь, я тебе такой подарок преподнесу, секрет пока...

Но больше всего он преуспел в своей основной профессии – кондитера. Выполненную им работу можно было назвать искусством, которое, хотя и жило непродолжительное время, доставляло радость – и ему, как мастеру, и тому, кто это искусство мог наблюдать и, главное, попробовать на вкус.

В Москву дед приехал еще в двадцать втором году из Николаева. Нужно было присмотреть жилье и работу. Как только этот вопрос был решен, вызвал к себе жену Прасковью с тремя детьми.

Вскоре с дедом случилось несчастье: он обгорел на пожаре. Его доставили в больницу Склифосовского в тяжелейшем состоянии. Врачи сказали: «Дня через два умрет», но дед прожил еще тринадцать суток.

Он так и не дождался рождения своей первой внучки, так и не подарил Анне своего «секретного» подарка. Врачи удивлялись, что при таком тяжелом ожоге человек прожил почти полмесяца. У деда было очень крепкое сердце. Это признали и врачи.

Таким же здоровым было и сердце у нашего отца. Врачи, осматривая его, состоявшего на учете в туберкулезном диспансере, на вопрос нашей мамы, не опасно ли, что у мужа обнаружили в легком каверну, пошутили: «Ваш муж может без обоих легких жить, у него сердце могучее».

От плохого, вероятно, питания наш отец и его сестра Леля еще в детстве заболели туберкулезом. Сильный организм отца справлялся с этой страшной болезнью, поэтому болезнь не

прогрессировала, у Лели же часты были обострения. Родив Светлану, Леля через два года умерла – двадцатисемилетней.

Прасковья Игнатьевна, мать нашего отца, несмотря на различные превратности судьбы, пережила многих и скончалась в возрасте почти девяноста лет. Она всю жизнь много работала, была исключительно вынослива, с ней не могли в этом соперничать не только люди ее возраста, но и гораздо более молодые.

Прасковье Игнатьевне жаль было своей площади, на которую пришла сноха Анна. Это обстоятельство не всегда имело добрые последствия для нашей семьи.

Мы особенно любили с Ингой, когда бабушка Паша пекла пирожки в масле. Я до сих пор не встречал, чтобы кто-то мог лучше это делать: пирожки таяли во рту.

И еще: она не забудет принести их нам на красивой тарелочке с золотистой каемочкой. При этом обязательно изящно подаст блюдо, улыбнется, пошевелит как-то по-особенному губами и с доброй хитрецей настоящего профессионала-мастера посмотрит на нас, ценителей ее работы. Это получалось у нее очень артистично, она как будто хотела этим сказать: «Знаю, что ждете, сейчас, сейчас».

Инге немало качеств досталось по наследству. От отца она унаследовала внешность, прекрасные физические данные (став взрослой, уже известной спортсменкой, она имела рост 177 см, объем легких – 5500 мл!) и хороший характер, который помогал ей сравнительно легко переносить жизненные невзгоды.

А их было немало, особенно в последние годы ее жизни.

Но все-таки врожденное свойство натуры – не принимать огорчения близко к сердцу – помогало Инге всегда. И в личной жизни, и в спортивной, где, к удивлению окружающих, Инга с легкостью, казалось, переносила напряжения соревновательной борьбы, происходящей буквально у всех на виду, что само по себе уже нелегко.

Ингин веселый характер, беззаботность помогали отдыхать ее нервам и телу. Детская легкость нрава (и как следствие этого – легкость натуры, доброжелательность к людям, отсутствие всякой зависти), доверчивость и уступчивость, с которыми вроде бы не могли никогда ужиться непокорность и упрямство, неприступность и хладнокровие, переходящее в гордую, но не злую насмешливость, тем не менее прекрасно в Инге уживались.

Ингин характер начал проявляться довольно рано, лет с двух. Уж если она не захочет идти ножками, то никакая сила не заставит ее сделать хотя бы один шаг – ни уговоры и обещания, ни даже шлепок. Она не будет капризничать, валяться на асфальте, просто не пойдет, и все. И выразит свой отказ спокойно и невозмутимо.

Так и приходилось маме брать на руки этого тяжелого ребенка (в прямом и переносном смысле) и нести его километра два, что отделяли наш дом от яслей.

Но в то же время и в яслях, и потом в саду все внимание устремлялось на Ингу: смотрите, вот какие упитанные и розовощекие дети у нас!

От отца и деда Инге передались сметливость и хваткость в работе – так же все в руках горело. От бабушки Евдокии Федотовны, о которой я расскажу, – сочувствие к людям, сердечность и отзывчивость. От другой бабушки – артистизм. От мамы – настойчивость.

Дочь Прасковьи Игнатьевны Леля, у которой был туберкулез, и ее муж до войны жили в одной комнате с нашей семьей – нашей мамой, отцом и Ингой. Леля часто играла с маленькой Ингой, ласкала ее. Все это, видно, послужило причиной того, что у Инги уже в подростковом возрасте тоже были обнаружены признаки туберкулеза. Впервые они проявились у нее как-то поутру. Мы разбужены были осторожно-тревожным стуком в дверь нашей комнаты. Открыв глаза, я увидел бабушку Пашу у двери, лицо ее выражало крайний испуг, было бледным.

Интуитивно я повернул голову к кровати, на которой должна была спать Инга. Кровать была пуста, несмотря на очень раннее время – часов пять утра.

Бабушка Паша, призывно дрогнув голосом, выкрикнула:

– Что вы спите, с Ингой плохо!

Мы все – мама, бабушка Евдокия Федотовна и я – побежали на кухню.

На кухонной скамейке, у окна, вцепившись в нее пальцами, так что ногти впились в доску, сидела Инга в халате, закрыв глаза, бледная, прислонившись спиной к двери, выходившей на черный ход. Сидела совершенно тихо, и только сдвинутые к переносице брови и испарина на лбу выдавали ее усилия, с помощью которых она старалась перетерпеть в себе что-то болезненно-неприятное.

Мы подхватили ее, уложили в постель.

Тогда-то, после исследований, и обнаружен у нее был небольшой туберкулезный очаг.

Министерство здравоохранения, одна сторона здания которого выходила прямо в наш двор, шефствовало над жителями нашего дома, и Инге, как туберкулезнице (а ее уже поставили на учет в специальный диспансер), выделило путевку в санаторий. Это было в сорок девятом году. Санаторий, куда Инга была помещена, находился недалеко от Киева – станция Ворзель.

Рациональное питание, свежий лесной воздух и внимательное отношение к больной дали прекрасные результаты. За три месяца пребывания в санатории Инга заметно поправила свое здоровье. (Кстати, она умела очень быстро набирать вес: за те три месяца она поправилась на целых девять килограммов!) Только один раз потом что-то похожее на эту болезнь проявилось у нее – в пятьдесят девятом году, на соревновании, когда врачи определили у нее воспаление легких.

К нам переехала бабушка

Передавайте привет моей бабушке. Здесь, на сборах, я без нее очень скучаю.

Из письма Инги домой

Бабушка Евдокия Федотовна – мамина мама – к нам переехала жить в 1943 году. Но этому предшествовало много событий.

Из Павловского Посада она ездила к нам в Москву потому, что родился я, ее второй внук, и ее дочери Анне приходилось совсем нелегко. Собственно, так бы и все ничего, да муж-то у Анны, то есть наш отец, как-то несерьезно отнесся к своей семье, видно, не успел еще он понять людей. Да еще и так сказать: с детства он не испытал настоящей материнской ласки, Прасковья больше благоволила к старшему сыну Николаю, а этот предоставлен был самому себе. Так он и рос без должного родительского надзора. А у Евдокии Федотовны сердце изнывало.

Он ходил в резиновых тапочках – она справила ему недорогие ботинки. Наступили холода, и ему нечего было надеть на голову – она ему сшила из своего старого воротничка шапочку.

Евдокия думала нередко: «Сваха все норовит для старшего сына что-то сделать, а этот словно не ее».

А когда она вспоминала, как сваха, чтобы выжить Анну с площади, придумала небылицу, что она не смотрит за Ингой, и через суд решила у Анны забрать Ингу, ей становилось даже нехорошо. Как можно?!

Может, потому, что Ингу так пытались дергать в детстве, бабушка к ней прониклась неугасающей любовью на всю жизнь. Более важного, чем Инга, человека для бабушки не существовало, хотя и мама наша и, конечно, я были ей так же дороги.

Ей очень нравились люди высокого роста (а сама она была совсем малюсенькая, меньше и не найдешь), с простым и незлобивым характером, который как раз и был у Инги. И рост, и мягкость, и обаятельность Инги были отцовскими. Бабушка любила и его, что редко бывает, когда зять не живет в дочерней семье, не оказывает ей никакой поддержки, а бабушка была расположена к зятю, жалела его как родного.

Отец наш всегда отзывался на доброту, был до слез тронут ею. Он был неплохим человеком, но нелегкая и путаная жизнь исковеркала его судьбу. Он от нас оказался далеко.

Неприятности близких очень мобилизовывали душевные силы Евдокии Федотовны. Она сама пригласила Анну рожать в Павловский Посад, чтобы дочери не было так страшно, как было страшно в Москве... Эти бомбежки, пропади они пропадом, и необходимость на день по несколько раз ходить в укрытие в метро...

Евдокия очень поэтому обрадовалась, что полуденным поездом к ней приезжала Нюра (она так звала нашу маму) с Ингой.

Анна – единственная из оставшихся в живых детей Евдокии Федотовны. Один ее ребенок вскоре, как родился, умер. Другая дочь, Клавдия, погибла тринадцатилетней девочкой... Когда мысли о ней закрадывались в сознание Евдокии, во всех подробностях оживал тот несчастный и тяжелый день. К внучке Инне она так поэтому и привязалась. Заботы о других притупляют страдания.

«Тоска-то», – сказала себе Евдокия: это слово в Рязанской губернии употребляли издавна, когда хотели сказать: «Не все потеряно, авось образуется». Она так и думала: «Как-нибудь у Нюры, может статься, все будет ничего».

Своих детей сюда, в Павловский Посад, Евдокия привезла в двадцать третьем году. А родилась она и прожила свои молодые годы на Рязанщине, в деревне Заречье. Родители ее

имели добротное хозяйство, но едва успела Евдокия стать на ноги, как почти в одно и то же время они заболели и умерли.

Ее муж Михаил родом был из соседней деревни Добрый Сот. Семья его победнее Дуниной, но ей надо было перейти жить туда, потому что, на беду, и его родители вскоре скончались, а маленьких братьев и сестер Михаила воспитывать было некому.

И только она хотела, все перетерпев и дождавшись с Гражданской войны мужа, хотя и с трудностью, тянуть эту нелегкую семейную поклажу, как пришло известие, которое каждую минуту она могла получить, но о котором никогда не думала: защищая советскую власть, погиб ее муж.

Теперь восемь человек одна, в том числе своих двоих детей, выхаживала Евдокия. И самой было всего только двадцать четыре года. Хозяйство полностью ее поглотило. Одного хлеба зараз съедали по несколько ковриг. Сколько же приходилось его печь!

Деверья подрастали, у них появились мыслишки делить хозяйство, большой дом, в котором они жили. Была тут доля и Дунина с ее двумя детьми, но свою долю она сразу же отдала обделенному младшему из деверей, а сама вернулась к брату Леньке и сестре Татьяне в деревню Заречье.

Вот тут-то, чтобы не быть лишним ртом, и отправилась она добывать на пропитание себе и детям туда, где требовались рабочие руки. Так она оказалась в Павловском Посаде.

Сначала домработницей, потом прачкой в больнице работала здесь Евдокия. И как только образовалось с работой, привезла к себе детей. Комнатку ей отделили всего четыре метра, но и этому Евдокия была рада, потому что соскучилась она по детям, оставшимся хотя и не у чужих, но не рядом... И потом, если брат Ленька отрежет лишний раз ребятам кусок сала, то у Татьяны-то особо не разживешься, Дуня знает.

Четыре метра комната – тоже не ахти как много. Дуня соберет в тюки грязное белье с коек да на тюках прямо и заночует: ребятам посвободнее спать.

Зарботок у нее был сорок восемь рублей. Еще пятнадцать рублей платили за погибшего мужа. А десятку нужно отдавать за жилье.

Когда брат Ленька, приехав к ним в гости, увидел, как стесненно они живут, сказал: – Дуня, давай я Клавдию заберу к нам.

Клавдия, живя у брата Леньки в Заречье, вот-вот должна была окончить сельскую школу, но не удалось ей ее окончить. Пошла она купить карандаши и бумагу в прибывший на станцию вагон-лавку. Уже набрала всего, как вдруг сильно дернулся вагон – это примкнул паровоз. Сейчас он его загонит в тупик, и шагать очень долго до дому придется. Выпрыгнула Клавдия из набравшего скорость вагона. Другие тоже выпрыгнули. Но она неудачно, на ее пути оказалась гора картофеля, которая медленно начала под ней оседать и так же медленно подвигать ее прямо к железнодорожному полотну...

Дуня в этот день поседела... У нее осталась теперь одна «роzedная» (единственная) Анна.

...Оказалось ошибочным мнение, что в Павловском Посаде война будет тише, меньше будет страха и роженице придется легче. Фашистские самолеты, словно в отместку за то, что им никак не дают пройти в Москву, бомбили подмосковные села и города, строчили из пулеметов по живым беспомощным мишеням.

Еще много раз делали налеты самолеты, но как в день приезда Анны, так и после все обошлось для нашей семьи благополучно. Только Евдокия была бледнее обычного, выглядела чересчур утомленной. Для нее страшными были эти налеты. «Не приведи господь, что случись опять», – думала она, побаиваясь смерти самых дорогих ей людей. Уж тогда б она не смогла перенести горя, сил не хватило бы.

Инга, своим детским разумом еще не понимавшая ужасов войны, не испытывала страха. Ей только не хотелось оставаться одной, когда мама и бабушка пошли вечером в больницу. Но

зато на следующий день чуть свет она уже нашла туда дорогу. Дня два только и было забот у нее: из какого окна выглянет мама? Наконец она увидела ее через стекло и, волнуясь, спросила:

– Мама, а сколько сосочек братику купить – пять или шесть? И каких – длинненьких или маленьких?

Сейчас Анне дочь показалась старше своих лет. На все семь выглядела, хотя исполнилось ей только пять. «Даже маленькие дети становятся в такое время старше», – подумала она.

Инга была неприхотливой и некапризной. В раннем возрасте все спит и спит целыми днями. Анна прибежит в обед ее покормить, а она и не пробуждается, сопит носиком. Уж живали? Только однажды перепутала день с ночью, стала просыпаться в двенадцать часов ночи – и стой, непременно держи ее под зажженным абажуром до шести утра. Но не кто угодно, а только мама.

Пять килограммов шестьсот граммов родилась – смугленькой, голубоглазой. Все сбежали в роддоме смотреть ее, даже обслуживающий персонал. «Вот это девчонка», – говорили. «Как ее назвать?» – думала Анна. Тогда и выбрала она это имя: Инга – вычитала в какой-то книге. А теперь по инициативе Инги ее брата назовут Володькой, как звали ее большую куклу, которую Инге подарили на Анниной работе.

И Анна теперь с теплотой вспомнила о своей службе в иностранной юридической коллегии адвокатов по наследственным делам, где она работала секретарем... Утром, как обычно, входил Дмитрий Иванович Кудрявцев, начальник отдела, сердечно со всеми здоровался, подбодрял. За понимание людей, обходительность все его очень любили. В отделе было много молодежи, и Дмитрий Иванович нередко наставлял молодежь на путь истинный, подсказывал, как поступить в том или ином затруднительном положении.

Дмитрий Иванович рекомендовал Анну в партию.

На праздники для детей сотрудников выдавали подарки. Инге однажды подарили зимнее пальто, а в другой раз ту самую куклу по имени Володька, гораздо выше ростом, чем она сама.

О Павловском Посаде вспоминалось с трепетом. Здесь началась трудовая жизнь Анны. Райкомом комсомола она была направлена заведующей в павловопосадский диспансер для подростков, потом ее перевели в райком партии, откуда направили секретарем парткома на шелкоткацкую фабрику.

Все для Анны могло бы сложиться иначе. Но тут неудачное замужество, война, двое детей, ради которых пришлось поступиться своими жизненными устремлениями...

Бабушка всю свою оставшуюся жизнь посвятила нам. Ее на хороший оклад куда-то приглашали работать, но это было далеко, на внучат времени бы не осталось. И она устроилась санитаркой в диспансер на Неглинной, что ей очень подходило из-за близкого расстояния... С сожалением увольнялась Евдокия с ткацкой павловопосадской фабрики, где много лет проработала ткачихой, была в числе передовиков, ее портрет был постоянно на Доске почета...

К бабушке сватались «кавалеры» (и это было предметом наших шуток), но она их всех выпроваживала, хотя внешне и старалась казаться обходительной.

– Нет, нет, у меня внучата, я не могу...

Евдокия Федотовна, наш дорогой маленький человечек, вытерпевший то, что под силу было только могучему человеку, заболела потом тяжело, и большое горе, свалившееся много лет спустя на нашу семью тяжелым камнем, – гибель Инги, ускорило ее смерть. Бабушка скончалась через сорок дней после этого.

Сватаясь к Евдокии, ее будущий муж Михаил, высокий деревенский парень с льняными мягкими волосами, когда-то говорил:

– Хотя ты, Дуняша, и мала росточком, но ты мне нравишься своим характером.

Очевидно, он имел в виду верность ее. Он не ошибся.

Бабушка повлияла на всех нас, особенно на Ингу, к которой Евдокия Федотовна была особенно расположена.

Когда сидели за обеденным столом, бабушка придвигала к Инге (только к ней!) все кушанья. Инга даже смущалась.

– Бабушка, да я вон какая большая, – говорила она, – я и так достану.

Но куда там – и это повторялось снова и снова.

Бабушка любила Ингу, как любят родители особенно незадачливых детей, за которых из-за чрезмерной их непоседливости постоянно приходится бояться, как бы они босой ногой не наскочили на гвоздь, как бы не разорвали только что сшитую одежду, за которую родители будут сильно ругать... И бабушка своим чутким отношением к Инге словно предупреждала ее неосторожные движения, могущие причинить ей неприятность. Она сердцем любящего человека чувствовала что-то такое в Инге, что ей, Евдокии Федотовне, робкому и пугливому человеку, следовало бы попридержать, сбавить ее энергию.

Инга не замечала себя со стороны, и этим была особенно привлекательна. Она была неуправляема в своих устремлениях. Бабушка Ингу за все это любила и одновременно вот чего боялась: как бы снова не пришлось перед матерью выгораживать внучку, как однажды было, когда отдала Инга кому-то свой шерстяной спортивный свитер, а ей его не вернули. Конечно же мать сильно ругала, когда о таком головотыпстве узнала. Здорово попало и бабушке. Но только миг пребывала она в роли обвиняемой. Кровь прилиwała к ее лицу, какой-то внутренний огонек воспламенял ее всю.

– Подумаешь, свитер! – разгорячившись говорила она. – Да наплевать на него... – И этим высказыванием она словно завоевывала себе ту позицию, когда с мнением начинают считаться: значат ли что-нибудь свитера, съеденное варенье, разбитое во дворе стекло по сравнению с самим человеком? Тьфу, мелочь!

Этот робкий человек, до смерти боявшийся червяков, мышей и раскатов грома (она убежала из комнаты в коридор), шел на любой компромисс, лишь бы защитить интересы своих внучат. Не приведи господь их кому-нибудь обидеть! Не всегда оказывалась права, но, защищая нас, была поистине замечательна. В этом случае она не страшилась никого. Помню, принесла Инга в получку... два рубля (она работала тогда на фабрике). Бабушка возмутилась и пошла в дирекцию. Для нее не существовало проблемы, как найти компетентного в данном случае человека. Бабушка его находила. А разговор ее по содержанию был предельно ясен: «Да я ей на дорогу каждый день по пятерке даю». И перед бабушкой отступали. Да такого и быть не могло, чтобы за целый месяц – два рубля... Потом уже дома все это она пересказывала, конечно, принесла недостающую зарплату внучки и все еще взволнованная от несправедливости и одержанной победы.

– Как же ты могла там доказать свое? – удивлялись мы.

– Не смотри, что я неграмотная! – неколебимо отвечала она.

Или в другой раз, когда ходила в школу, где училась Инга. А дело было так...

Инга училась в пятом классе. Она была способной в общем-то девочкой, но отличалась непоседливостью. Классный руководитель, стараясь как-то увлечь эту непокорную девчонку учебой, пробовала для этих целей один способ за другим. Но ничего не помогало. И видимо, совсем выбившись из сил, на общем собрании родителей в сердцах назвала ее дылдой. Но на беду учительницы, на задней парте, за спинами родителей, притаилась бабушка. Она и просидела бы все собрание молча, но когда про единственную и самую любимую внучку сказали такое, «извини подвинься» (как она всегда говорила) – от бабушки в таких случаях жди взрыва. Так и есть. Она тут же дала о себе знать и пошла искать «дилектора» школы, чтобы сказать ему:

– Знаешь что, ты как хошь думай про меня, а для учителя все ребята должны быть одинаковыми. А то – дылда! Она такой же ребенок, как и все, только выше ростом, чем они, а кто же виноват, что они такие сморчки уродились? А Ина у нас без отца росла, и туберкулез у ней... Это она на вид такая бедовая, а дома-то с ней плохо бывает... Ты не гляди, что она высокая... поэтому учительницу-то свою предупреди...

А в диспансере, где она работала санитаркой! К празднику забыли подарить ее внучатам подарки. Конечно, она ведь больше их всех получает! Своих они небось не забыли, а вот на ее, Дуни, внучат им наплевать! У нее муж погиб в Гражданскую войну за советскую власть, брат Ленка – в Отечественную...

«Мне не дорог ваш копеечный подарок, – высказалась горячо она, – дорого внимание».

Весь диспансер сбился с ног, и сразу несколько человек, и среди них врачи, бросились покупать подарок для тети-Дуниных внучат: и как это могло произойти – склероз, что ли, у всех? Извинялись, говорили теплые слова, думали, что не простит.

Только могла ли тетя Дуня, этот мягкий человек, долго сердиться? И также на соседа по квартире, который невзначай что-то насчет чистоты полов в квартире сказал... Евдокия Федотовна (ее «бабкой» в квартире все звали, что по интонации соответствовало слову «прокурор») тут же его отчитала. Поскольку он по возрасту мог быть на фронте, но не был, она его резанула суровой правдой: «Окопался, тут сидишь, а на фронте другие воюют! Да еще в бабы дела лезешь». Извинялся потом тоже: «Бабк, прости меня, по дурости как-то брякнул».

Да что там, разве она сердится? Все бывает. Она поспешит заулыбаться, лицо ее зардеется, ей теперь немного неловко, что она так резко напустилась на человека. А чего уж он особенного-то сделал? Да ничего!

От большого внимания к себе она страшно смущалась, краснела и в ответ на доброе расположение готова была отдать последнее. А от благ, которые ей предлагают, будет отказываться, всем своим видом давая понять, что она человек-то очень маленький, и напрасно вы ей уделяете столько внимания, она совсем этого не заслуживает – грамоты в ней никакой нет, на работах она ответственных никаких не работала...

Она готова протянуть вам руку, но если опять повторится бестактность, то...

Она всегда говорила, когда речь заходила о покупке каких-либо продуктов:

– Я сейчас сбегаю. – И это в ее-то возрасте бегать?!

Но она именно бегала. Вернее сказать, конечно, ходила, но очень быстро, и получалось все равно что бегом. Но вызывалась она «сбегать» не потому, что не хотела утруждать своих внучат, а потому, что по своему характеру была беспокойной и отзывчивой. Мы к бабушке тоже относились с нежностью и в магазин старались ходить сами.

Она не любила людей, которые кривили душой, и сама не кривила. Если уж вы у нее в гостях, то вам придется все о себе рассказать как есть. Ей не просто нужно узнать о вас, она хочет быть участницей вашей жизни, посочувствовать вам, поддержать вас морально. Поэтому всех наших приятелей, не знакомых с этой бабушкиной чертой все выпрашивать, мы предупреждали: «Если бабушка будет о чем спрашивать, не юлите, говорите только правду». А вопросы ее были самые простые и нехитрые: «Сколько получаешь?», «Кем у тебя мать работает?», «Встречаешься ли с кем?»...

Ребята воспринимали это должным образом и, не дожидаясь бабушкиных вопросов, давали точные о себе сведения. Как в отделе кадров. А в другой раз при встрече с нами интересовались, как поживает наша бабушка, улыбаясь, восхищались ее участием в них и просили передать ей большой привет.

Стремясь сделать тебе приятное, она даже могла взяться за дело, которое ей вовсе не было знакомо, скажем глаженье брюк: кому она когда гладила! В твое отсутствие она их тебе отутюжит, но отутюжит «трубой», без стрелок, не подозревая даже о том, что они должны быть, и радуясь своей работе, потому что она взялась за дело, которое ей не было привычно, и постаралась его сделать хорошо.

Она была совсем неграмотна, по полчаса выводила свою фамилию в каком-нибудь документе, но она никогда в жизни не нарушила самого главного из своих жизненных правил: не смотреть на человека как на средство для достижения каких-либо целей.

Бабушка отличалась горячностью, но эта горячность вытекала из ее честности, порядочности, бескомпромиссности.

Все эти качества я потом наблюдал в Инге.

У нас в семье принято было всегда открыто выражать свои чувства. Это не всегда служило нам добрую службу, но получалось, что если мы, дети, выражая свои чувства, открывались с лучшей стороны, то поддерживались взрослыми, если с плохой, то тоже имело положительный эффект: о тебе узнавали и могли тебя исправить. Но в другой раз мама нам говорила:

– Не жалуйтесь, когда вас побьют во дворе.

И мы переживали обиды молча. Но зато когда кто-то пытался сравнивать своих детей с внуками нашей бабушки, то наперед можно было сказать, что он не получит преимущества.

Чтобы придать силу своим словам (это когда она нас ругала), бабушка прибавляла к нашему возрасту несколько лет. Например, шестнадцатилетней Инге она могла сказать в этом случае:

– Девке скоро двадцать лет, а все за ней ходишь как за малым ребенком.

Когда же кто-то из нас разбивал во дворе стекло, бабушка искала «оружие» для защиты. Про ту же шестнадцатилетнюю Ингу она в этом случае уже говорила:

– Ребенку всего-то чуть больше десяти лет, а вы штраф с него хотите взять...

Бабушка нередко одним лишь замечанием, одной только фразой выражала большой смысл. Бывало, придет Инга расстроенная из-за чьего-то резкого слова, а бабушка, качнув головой и сомкнув в усмешке губы, скажет спокойно, как бы между прочим:

– Не бойся собаку, которая брешет, а бойся ту, которая молчит.

Забываясь о нас, бабушка понимала, что за ней больше никто не стоит. Она и хозяйка, и друг, и товарищ для своих внучат, их крепость и их меч.

Наш теплый дом

*В какую бы точку земного шара меня ни забросила спортивная судьба, я всегда стремлюсь домой.
Из письма Инги к маме*

Сегодня к Речному вокзалу в Химках поздно вечером приходит пароход «Роза Люксембург». Нам это не безразлично: на нем приплывает наша мама – она работает в речном пароходстве.

Вечером мы – бабушка, Инга и я – были на пристани. О причал шлепались темные с блестками волны, приятно пахло пароходным дымом и смолой, дул свежий ветер. Мы впились глазами в речную даль, где стали видны сквозь туман расплывчатые огни приближающегося парохода. Это был он.

Нас ожидали лакомства – астраханские арбузы, ягоды, из которых бабушка наварит различные варенья, вяленая рыба... Красотища!

Конечно, это во-вторых. А сейчас мы ждем маму. Почему-то стягивает в горле и глаза начинают чаще моргать. Вот бросили чалку, положили трап, теперь нам можно бежать на пароход.

Мы и сами нередко отправлялись с мамой в длительный рейс, но после того, как однажды ночью баржа налетела на пароход, на котором плыла мама, мама нас с собой брать не стала. Теперь мы ее только встречали.

Мы по ней скучали две недели, но зато не были голодны. Утром с Ингой встанем – бабушка на работе, – чего, думаем, поесть? Начинаем с варенья. Распорядилась Инга. В две тарелки для первого она накладывает разных сортов варенья, но преимущественно все-таки клубничное, оно вкуснее. Наедались его с хлебом и запивали чаем. Котлеты там разные, рыбу есть с утра совсем не хотелось. А варенье – хорошо!

Ели так, ели, а потом смотрим – варенье-то клубничное в банке почти все кончилось. Инга не придавала этому значения, я долил в банку водички.

Собралась как-то бабушка попить «чайку» с клубничным вареньем. Шашь – и в шкаф, за банкой, достала ее – что-то не то. От изумления открылся рот. Сразу видно – догадалась. А вот когда она сощуривала глаза, это значило – она себя ругала: «Эх, недоварила я...»

На этот раз она сказала:

– Да что ж вы, варенье-то все слопали, а воды налили...

Но больше ничего говорить не стала. Как будто даже улыбнулась глазами. Это значило, что она хотя и не одобряла содеянного нами, но, как умудренный жизнью человек, в душе нас оправдывала: «Пускай посластаешничают, не видели они ничего прежде».

И она, вероятно, начинала представлять, как мы ничего не видели.

«Нюра молодец, – думала Евдокия Федотовна, – что сумела их обеспечить без отца. Всю войну была донором». Сердце Евдокии Федотовны растоплялось от блаженных мыслей. Она в душе не только хвалила Анну, она готова была благодарить всех, даже тех, кто не был причастен к воспитанию ее внучат, за то, что Бог помог им стать на ноги, несмотря на нужду и плохое питание...

«Нюра, бывало, принесет две пачки дрожжей, – думала Евдокия Федотовна, – разведет их водой, нарежет луку и все это зажарит. Ребята едят, едят... А Ина еще и скажет: «Когда вырасту, буду только такую запеканку есть, но помногу». А за очистками картофельными в очереди стояли в квартире, вот ведь как... Промоешь, бывало, сваришь и ешь... А когда из картошки, помню, сварила Нюра суп, Ина все просила: «Мама, мне погуще!» Много чего было, эх...»

Однажды от недоедания у нас сильно разболелись десны, зубы качались. Жутко хотелось есть. Мы плохо понимали, что еды нигде достать, сидели и скулили, чем окончательно расстроили свою сильно переживавшую по этому поводу маму. И вдруг ей словно кто-то подсказал обратиться за помощью к нашему соседу дяде Боре.

– Сходи, Инга, к дяде Боре, может быть, у него остался хлеб, попроси, – вымолвила с трудом мама.

Инга постучала в дверь к дяде Боре. В следующее мгновение он уже знал, что от него требуется. Тут же спохватился, словно ругал себя за то, что раньше ему не пришло в голову предложить ребятам хлеб, который, правда, уже сильно зачерствел. Но он знал, что это дело поправимое: хлеб можно размочить, и он вновь будет мягкий. Так он делал и сам.

– Да-да, Иночка, я сейчас.

Борис Александрович вынул из шкафчика почти целый батон белого, но черствого хлеба, быстрым движением протянул его Инге.

Скороговоркой поблагодарив дядю Борю, Инга быстро вышла из комнаты: голод ее торопил. Оставшись наедине с собой в коридоре, она не удержалась, чтобы сейчас же не попробовать хлеба. Не успев осознать всего, она только почувствовала резкую боль во рту. Зубы закрипели и чуть не полопались, десны горели огнем. Из глаз Инги покатались крупные слезы.

И вот она уже на пороге нашей комнаты. Мама увидела ее страдальческое лицо, а в руке батон, мокрый от слез, и ей стало все понятно. Она заплакала.

В квартире нашей во все времена царил дух доброжелательности. В холода, особенно в войну, всей квартирой «собирали» тепло. Для этого жильцы располагались в какой-нибудь одной комнате. Там пили все чай, делились продуктами. Чай готовили в большом самоваре, который затапливали деревянными щепками от разбитых железнодорожных вагонов. Щепки приносил сосед дядя Ваня, работавший в депо.

Дяде Боре никто не поручал за нами, детьми, присматривать, когда мы оставались дома одни, но он незаметно делал это: мало ли кто мог прийти в квартиру.

Дядя Боря, встречая тебя во дворе, сунет, бывало, незаметно в твой карман рублишко и идет как ни в чем не бывало... На Новый год он наряжал елку конфетами, мандаринами, которые потом снимал и угощал всех детей нашей квартиры. Обращался ко всем он – к взрослым, детям – не иначе как «Анечка», «Иночка»... Доброй шуткой он старался людей развеселить, подбодрить. Когда Инга отправлялась на каток и, встретив дядю Борю, приглашала его с собой, он весело отвечал:

– Да что ты, Иночка, я же лед сразу проломлю: во мне ведь сто двадцать килограммов да плюс еще одежда.

В нашей квартире жила одинокая худенькая женщина – Зоря Шарафутдиновна. Когда она шла по улице, казалось, что она вот-вот может упасть. Она имела высшее образование, по специальности была геологом, но из-за болезни вот уже который год не могла работать. Ей помогали почти все годы ее родственники, которые к ней приезжали или присылали ей продукты и деньги. Вечер-другой она приходила скоротать в нашу семью.

Она очень тихо открывала дверь, входила и незаметно присаживалась к нам. (Так же неслышно открывала всегда дверь кошка Мурка. Бабушка, если улавливала шорох открываемой двери, насмешливо-грубовато говорила: «Либо Мурка, либо Зоря».)

Зоря Шарафутдиновна была очень культурным человеком и даже нас, детей, звала только на «вы». Она была нашей неизменной палочкой-выручалочкой в решении арифметических задач. В этом нам помогала и другая соседка – тетя Дуня (Евдокия Андреевна), но когда задача была особенно трудной, тетя Дуня говорила: «Сходи-ка к Зоре».

Помнится восточная сказка-быль, которую нам рассказывала Зоря Шарафутдиновна... Один человек пришел в гости в богатый дом плохо одетым. Его не встретили, не накормили, не обогрели и постарались быстрее выпроводить. Каково же было его удивление, когда он,

надев на себя богатые наряды, пришел в этот дом во второй раз. Его встретили с большим вниманием, усадили на место для самых почетных гостей и предложили самую лучшую еду. Сел этот человек за трапезу, а сам все оттягивает рукав своего богатого костюма в сторону еды и приговаривает: «Ешь, костюм, ешь, костюм».

Инга тогда слушала эту сказку внимательно и гордилась, как я вспоминаю, тем, что этот умный человек так тонко высмеял богачей, для которых человек сам по себе ничего не значил.

Инга более всего ценила в людях доброжелательность и душевность.

Повествование второе. Во дворе

Вы счастливая, что родились в доме, где под окнами стадион. Это, наверное, и помогло вам стать классной спортсменкой?
Раиса Нестеренко, Красноярск

Каток вот-вот должен был открыться. И диктор-радист Бодя (так его почему-то звали ребята с Петровки, 26) готовился запустить музыку, которая потом не будет смолкать до двадцати трех часов. В его фонотеке имелась веселая и грустная музыка, медленная и быстрая, трогательная и очень жизнерадостная. Катающиеся волей-неволей поддавались настроению этой музыки и, вопреки своему желанию, то кружились в медленном вальсе, то носились в таком ураганном вихре, что милиционеры, призванные блюсти порядок на катке, и те шараялись в стороны, совсем не понимая, что же такое происходит. А в это время уже звучало: «Мишка, Мишка...» Ребята, разогнавшись, резко тормозили около девушек, обдавая их ледяной пылью, и подпевали на свой лад в такт песне: «...где твоя сберкнижка...» Но вновь сменялась музыка. Вот уже раздаются звуки другой мелодии, как я узнал позже – симфонии Моцарта; кажется, и ребята в это мгновение оставляют в покое девушек, и все подчиняется торжественному восприятию романтических звуков, пробивающихся сквозь морозный туман, просвечиваемый со всех сторон лучами прожекторов. Звуки поднимаются высоко-высоко, до самых звезд, они настолько стремительны и порывисты, что, кажется, нет силы, способной приостановить этот взлет.

Я смотрел в такие минуты из окна нашей комнаты и искал глазами Ингу. Детей до шестнадцати лет вечером на каток не пускали, а мне не было не только шестнадцати, но и десяти, и потому я сидел у окна – и весь каток, как кишевший муравейник, был перед моим взором. Инге не было еще и пятнадцати, но ее давным-давно пускали вечером на каток и вообще на любой «взрослый» фильм, на который не пускали Риту, нашу соседку, Ингину одноклассницу, на полгода старше ее, но маленькую-маленькую. Когда им исполнилось по восемнадцать, Риту продолжали не пускать ни в кино, ни на каток. А если она начинала «бастовать», то контролер ей спокойно отвечал: «Ты же еще совсем ребенок. Дома бы лучше сидела. Вот тетю, которая с тобой, я пропущу». Рита поэтому тоже оставалась дома.

Я продолжал сидеть у окна, слушать музыку – знал, за какой последует какая, потому что музыка ведь была записана на магнитной ленте, и немножко сожалел, что меня нет среди катающихся. Я на мгновение отвлекался от своих мыслей чьим-нибудь столкновением на льду, но вот снова мимо окна мелькала высокая фигура. Это – Инга. На ней был байковый костюм, светлые шерстяные носки, в них заправлены шаровары. Она смотрела в мою сторону, и, хотя лица ее не было видно, по всему чувствовалось, что она улыбалась. Я в ответ тоже. Сейчас не пройдет и минуты, как она вновь поравняется со мной, обежав очередной, уже не знаю какой по счету, круг. Выпрямлялась и поднимала для приветствия правую руку, точь-в-точь как это делают чемпионы. В этом Ингином жесте было все: и усталость, чувствовавшаяся во всем теле, – шутка ли, столько времени кататься не разгибаясь, – и сестринское внимание («Я тебя вижу»), и извинение перед бабушкой («Скажи ей, что я скоро приду, пусть не ворчит»). И тут же вдруг куда-то исчезала, потому что к ней подъезжала ватага знакомых ребят и девчонок и увлекала ее за собой: наверное, в раздевалку погреться и в буфете попить горячего чайку с лимоном и булочкой.

Я знал, что она будет кататься до самого закрытия. Диктор Бодя несколько раз повторит: «Товарищи, время катания окончено, просьба освободить территорию катка, повторяю...»

После того как погасят огни на катке, Ингу ожидай минут через сорок, что-нибудь около двенадцати, хотя завтра рано вставать в школу: ведь нужно еще побалагурить с подругами, с

которыми совсем не хочется расставаться. И вот, слышишь, стучится, не в дверь квартиры, а в стенку. Влетает морозная, красивая и веселая, ущипнет меня («Эй, брат»), а ворчащую бабушку обнимет, и та сразу растает. Перехватит поесть, ложится спать и мгновенно засыпает. Просыпаясь утром на том же боку, за всю ночь даже не шевельнувшись и как будто не дыша, словно ее нет в комнате. Даже начни палить из пушки, она не услышит.

Или придет, расскажет, как один парень пристроился за ней на катке и все катается, катается, а отставать ему неудобно от девчонки, хотя и рослой. У нее шаги размашистые, мощные, и вот – круг за кругом, а парень не отстает, тянется.

– Я уже круг десятый пошла, обернулась, а он, бедный, весь запарился, а на одиннадцатом гляжу – зашатался, и к сугробу. Проезжаю через два круга, а ему нехорошо. – И рассказывает этот случай без издевки. Конечно, сначала хотелось проучить парня, чтобы знал, с кем тягаться, а потом жалко стало.

У Инги поначалу были коньки «английский спорт», их отдала нашей маме одна ее знакомая. Прикручивать их к валенкам приходилось с помощью веревок и двух палок. Лезвия у коньков были широкие, это больше подходило для катания на снегу.

Но валенок трудно было наготовиться: на них то и дело образовывались дырки. Пришлось маме купить Инге настоящие коньки с ботинками. Коньки эти были уже выше классом – так называемые «гаги». Они изящнее и острее. На них-то и гоняла Инга по льду лет до семнадцати.

Инга дневала и ночевала на катке. Для нее коньки были – ну как для многих девчонок танцы, которые они никогда не пропускали. Только, в отличие от них, Инга ходила на каток каждый день и даже по два раза – утром и вечером. Инге было предписано как можно больше бывать на воздухе. Вот и не так давно ее осматривали в туберкулезном диспансере, и было сделано такое заключение.

– Ну что ж, это же замечательно, – сказал врач, – никаких следов! – И посоветовал: – Продолжайте в том же духе, ибо болезнь это подлая и отказ от пребывания на воздухе будет ей только на руку.

Инга проводила на катке все свободное время. Учила ли она заданное в школе стихотворение («Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя») или помогала бабушке убираться, когда была наша очередь, в квартире, ее то и дело тянуло к окну: как там, на катке? Еще не открыли? Нужно обязательно быть первой на льду!

Попробуй-ка тут усиди дома. Сегодня все девчонки и ребята будут на катке – так договорились. И Валя Рожкова, и Рита (ее сегодня надо постараться провести на каток), и Женька Сухарев, и Алик Сабиров...

Можно будет поскользнуть по льду, заложив руки за спину, показать мальчишкам класс: они – чистые хоккеисты, гоняют по всему катку как угорелые, иногда даже едут против движения, а вот подолгу кататься, по-конькобежному, не могут, выдыхаются круга после четвертого. А Инга катается по двадцать и тридцать кругов!

Она тоже, правда, может носиться как хоккеист, но последнее время ей нравится кататься так.

– А вообще-то мальчишкам лучше, – не раз говорила Инга. – Они ловчее, находчивее и активнее девчонок.

Скажем, вот окно ее, Ингиной, комнаты выходит прямо на теннисные корты, которые устраиваются в летнее время, занимайся себе преспокойно теннисом. И напротив, на одной с ней лестничной клетке, живет контролерша стадион-чика тетя Зоя, которая снабжает ребят списанными теннисными ракетками. Перетяни струны – и играй.

Ребята перетягивают вручную, вставляя в дырочки обода спички, чтобы не выползали струны. Смышленные, черти. Девчонкам же с этим возиться неохота. И Ингу теннис не заинтересовал. В то время как среди мальчишек выросло даже два мастера спорта – Виктор Балах-

ненко и Игорь Всеволодов (ныне старший преподаватель кафедры тенниса в Институте физкультуры, а ныне – академии, кандидат педагогических наук).

Мальчишки находят удовольствие в ловле теннисных мячей, чтобы в конце лета подсчитать, кто сколько наловил, и определить победителя. По 80–90 мячей за лето наиболее удачливые из них собирали. А Рифат, делая подкопы под забором и прикрывая лунки дощечками, посыпаемыми землицей, почти всегда был чемпионом, собирая по сто с лишним мячей. Конечно, мальчишки из-под носа у теннисистов порой уносили мячи. А потом пойманные эти мячи не знали куда деть. На этот раз они устраивали уже другие соревнования: кто закинет мяч на пятиэтажный дом, довольно высокий, на который закинуть мяч не каждому удавалось; кто перекинет мяч через соперника и тем самым загонит его в тупик, после чего победитель в знак превосходства над соперником посылает мяч прямо на Неглинную, на проезжую часть, и за мячом уже не бежит. Глядите, вон какие мы!

Или возьмите футбол. Ребята в него играют, кажется, круглосуточно. А когда на стадионе межсезонье – ни зима, ни лето, – они гоняют там. Уж здесь начинается прямо-таки большой футбол. Стекается ребятня со всей округи – из Столешникова, Колобовских, Цветного, Трубной, Малюшенки, Москвина... Евгений Папугин (впоследствии пятикратный чемпион мира по хоккею с мячом) вместе со своим братом Михаилом приводил свою «сборную» по футболу из Столешникова, чтобы сразиться со «сборной» двора, в котором жила Инга.

Мальчишки играли на стадионе в волейбол, баскетбол, городки. И было на кого им посмотреть, с кого взять пример. На площадки выходили настоящие мастера. Например, знаменитый волейболист Щагин. Ребята вечером потом сядут на бревна на заднем дворе и обсуждают баталии мастеров. А кто-то встает и показывает, как с прогибом в пояснице, далеко отведя руку назад, нужно гасить мяч.

Но это было все не для Инги.

Разбирались ребята и в вопросах судейства и гордились, что во дворе живет известный спортивный судья Николай Латышев.

Девчонкам оставалось значительно меньше. На забор не полезешь, в футбол играть как будто не очень прилично – у мальчишек там настоящие соревнования. Штандер, казаки-разбойники – вот здесь еще можно девчонкам применить свою изобретательность, запутать «казаков», когда бываешь «разбойником», ставя мелом на стенках стрелки, которые сбивают соперника с толку. «Разбойники» уже давно дома, а «казак» все еще носится по Петровке, Неглинной, Дмитровке, Козицкому, заглядывая в различные проходнушки, надеясь захватить в плен противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.